

Шэнь Чжи погрузился в глубокие раздумья, а затем внезапно слегка улыбнулся:

— Цинь Цзыцзин, хотя я многое позабыл, но, поразмыслив сейчас, внезапно вспомнил, что, кажется, однажды видел, как Инь Линцзюнь плакал.

— Этот второй способ, о котором ты говорил, — я готов испытать.

Рейтинг боевой мощи на данный момент: Шэнь Чжи > Лю Саньцю > Мэн Ань >> Цинь Цзыцзин > тяжело раненный Ли-демон.

Ли-демон: (нецензурная брань).

Сюэ-игэн.

После заката Шэнь Чжи отпустил Цинь Цзыцзина и отправился в путь в одиночестве.

Он возродился очень удачно — стоял ранний апрель.

Если память его не подводит, Шань-ичэн каждый год в апреле набирает новых учеников. В прошлой жизни он попал туда без проверки духовных корней лишь благодаря тому, что его мать и даосский наставник Сыцзинмэнь были соучениками. Однако детям из обычных семей для обучения в секте необходимо было пройти проверку духовных корней на террасе Ванчунь.

Когда он прибыл в Юйчжоу, объявления о наборе новых учеников уже несколько дней висели на самых оживленных улицах города. Естественно, юноши со всех сторон жаждали попытать удачу, и даже несмотря на то, что Шэнь Чжи опоздал, у объявлений всё еще толпился народ.

Ему показалось, что он выглядит здесь слишком чужеродно. Поэтому он отошел в укромный уголок, с помощью заклинания изменения внешности придал своему лицу облик совершенно иного юноши, а заклинанием смены голоса изменил тембр. Что же касается его хлопотного уровня развития стадии Золотого ядра, то он привычным движением в пару приемов запечатал его.

Шэнь Чжи поначалу хотел было сделать себя еще ниже ростом, но, оглядевшись по сторонам, с досадой обнаружил, что он и так ненамного выше остальных парней. Лицо его тут же помрачнело.

Как назло, в этот момент несколько юношей, толкаясь, пробежали мимо и случайно врезались ему в плечо. Сам Шэнь Чжи ничего не почувствовал, а вот один из парней ударился носом, от боли у него выступил пот, и он, ткнув в сторону Шэнь Чжи пальцем, завопил:

— Смотри, куда прешь, коротышка!

Шэнь Чжи не знал о привычках юйчжоуской молодежи обзывать, а так как эти слова случайно заделали его за живое, он, не раздумывая, взмахнул рукавом.

Юноша не успел среагировать и со всего маху влетел в стену, на которой висели объявления, а упав, сплюнул кровь.

Остальные парни остолбенели. Некоторые бросились помогать пострадавшему, другие побежали прочь — видимо, звать на помощь старших.

Кто-то из зевак узнал раненого и решил предостеречь Шэнь Чжи:

— Молодой господин, это ведь племянник градоначальника! Бегите скорее!

Шэнь Чжи прищурился, глядя на парня, который всё еще вытирал кровь с губ. Тот в ответ злобно сверкал на него глазами.

Вскоре один из юношей прибежал обратно и что-то прошептал на ухо племяннику градоначальника. Глаза того мгновенно загорелись, он перестал притворяться калекой, вскочил и, указывая на Шэнь Чжи, прокричал:

— Паршивец, жди! Надеюсь, я тебя больше не увижу! А иначе, когда я стану учеником бессмертного наставника, ты еще узнаешь, что такое боль!

Шэнь Чжи усмехнулся и с нескрываемой насмешкой произнес:

— Ты? И позволь спросить, у какого же наставника ты собираешься учиться?

Возможно, от переполнявшей его радости юноша не обратил внимания на тон вопроса, а, напротив, гордо выпятил грудь и ответил:

— Еще бы, конечно, у самого сильного в Сыцзинмэнь! У того самого... того самого... — он запнулся, не в силах вспомнить имя, но, к счастью, слуга снова что-то шепнул ему на ухо, и он выпалил уже уверенно: — Точно, у бессмертного Сюаньлиня! Я стану учеником бессмертного Сюаньлиня!

Однако, едва договорив, он вдруг почувствовал, что с этим нахалом, который только что посмел поднять на него руку, что-то не так. На мгновение ему показалось, что в глазах юноши, который выглядел его ровесником, промелькнуло убийственное намерение.

Но тут же, глядя на неизменную усмешку на лице собеседника, он решил, что это было лишь наваждение.

— Ты сказал... хочешь стать учеником Сюаньлиня? — услышал он вопрос Шэнь Чжи.

— Именно так! Разве отец пригласил сегодня в дом столько наставников не для того, чтобы устроить меня в ученики к Сюаньлиню? Хотя этот бессмертный не силен в атакующих искусствах, но его мастерство защиты и исцеления не имеет равных во всем мире совершенствующихся. Стать его учеником, не участвуя в бесконечных битвах — разве не прекрасно?

Эх, жаль только, что он, кажется, не берет учеников, иначе отцу не пришлось бы так утруждаться.

Шэнь Чжи не знал, что у того на уме. Услышав такой тон, он подсознательно решил, что всё уже решено. В его сердце поднялась волна непонятных чувств. Похоже на гнев, похоже на разочарование, с привкусом горечи.

Но так как он многое забыл, остались лишь одни эмоции, и он сам не мог понять, откуда они берутся.

В голове крутилась лишь одна мысль: Как это возможно? Как он мог?

Бессмертный Сюаньлинь... Инь Линцзюнь...

Как ты мог...

В этом хаосе сознания Шэнь Чжи внезапно осознал проблему.

После возрождения он подсознательно пытался собрать по крупицам остатки памяти, но всегда оставлял в стороне один темный уголок, к которому боялся прикоснуться.

Этот уголок назывался Инь Линцзюнь.

Его бывший наставник. Его господин.

Он снова вспомнил взгляд Цинь Цзыцзина, когда сказал, что хочет попробовать второй способ. Ученик, вероятно, решил, что он сошел с ума. На самом деле, он и вправду сошел с ума.

Не говоря уже о том, заплачет ли Инь Линцзюнь, но если бы он хоть раз нахмурился, даосский наставник Сыцзинмэнь Ли Хуайфэн лично бы расправился с тем, кто заставил его это сделать. Возможно, даже добавил бы приправ, чтобы подать это блюдо и вызвать у него улыбку.

Если уж сам даосский наставник был таким подхалимом, что говорить об остальных старейшинах и учениках, которые следовали за ним, словно морские водоросли по течению.

К счастью, бессмертный Сюаньлинь, являвшийся сокровищем секты, хмурился крайне редко.

Он будто родился лишенным эмоций, редко радовался и редко гневался. Он занимал самое живописное место в Сыцзинмэнь, но не брал личных учеников, лишь изредка обучая приходящих из других сект основам обороны и исцеления. После окончания коротких занятий он снова уходил в свою обитель.

Поэтому, когда Ли Хуайфэн вел его по коридору из цветущих слив, Шэнь Чжи совершенно не верил, что этот высокомерный и отстраненный бессмертный возьмет его в ученики. В конце концов, старейшина по фехтованию Шань-ичэна при виде него начинал страдать от головной боли, а старейшина по музыке Фэн-игэна прямо заявил, что скорее прыгнет в озеро Хуаньхуа, чем возьмет его в ученики. Бедный старик-наставник, связанный обещанием его матери, никак не мог выгнать его прочь. Он ломал голову так долго, что даже поседел, прежде чем нашел для него это место.

— Чжи-эр, ты одарен, но нрав твой строптив. Перед приходом в Сыцзинмэнь ты не прошел должным образом закладку фундамента, твои духовные корни нестабильны, а на утренние занятия ты ленишься ходить. Эх... если так пойдет и дальше, боюсь, однажды случится беда. В нашей секте лучше всех в искусстве очищения сердца разбирается Сюаньлинь. Если он согласится позволить тебе остаться, даже если не возьмет в ученики, это принесет тебе только пользу.

Он говорил много, Шэнь Чжи пропускал всё мимо ушей, но согласился охотно:

— Хорошо.

Ему давно хотелось убраться из Шань-ичэна.

Что же касается...

Перед обителью стоял барьер, который обычно не открывали; во всем Сыцзинмэнь лишь у даосского наставника был пропуск.

Ли Хуайфэн с помощью пропуска провел его через защиту. Переступив черту, Шэнь Чжи не удержался и обернулся:

— А что будет, если попытаться пройти через барьер без пропуска?

— Превратишься в горстку пепла, — ответил Ли Хуайфэн.

— В пепел?

— Да, — Ли Хуайфэн улыбнулся. — Хочешь попробовать?

Шэнь Чжи хихикнул и промолчал.

Ли Хуайфэн решил, что тот испугался, приобнял его за плечи и сказал:

— Ничего, я рядом, пойдем.

Шэнь Чжи кивнул, но, сделав лишь шаг, невольно задрожал, а зубы начали стучать друг о друга.

Внутри действительно было красиво: на павильонах и беседках висели изящные колокольчики для отпугивания нечисти, вдоль главной дороги росли сливовые деревья — розовые, желтые, белые цветы кружились на холодном ветру, многие осыпались на нагромождения скал. Перед скалами журчал ручей. Поскольку здесь жил только один человек, построек было немного.

Но здесь не должно быть так холодно. Сейчас лето, в озере Хуаньхуа всюду цветут лотосы.

— Цзе, замерз? Разве я не просил тебя одеться потеплее перед приходом?

Ли Хуайфэн, ворча, снял свою верхнюю мантию и накинул на него.

Шэнь Чжи поблагодарил и спросил:

— Почему здесь так холодно?

— Ради очищения сердца, — ответил Ли Хуайфэн. — В этот раз мы пришли внезапно, я забыл предупредить его. Обычно, когда вы приходите сюда учиться, ледяной барьер снимают.

Для очищения сердца нужно превратить свое жилище в вечную зиму?

Шэнь Чжи послушно кивнул, а про себя подумал: Похоже, этот легендарный бессмертный Сюаньлинь тоже не в своем уме.

Ли Хуайфэн, не подозревая о мыслях юноши, продолжал наставлять его в правила этикета, которые тот уже давно знал наизусть.

Когда они были готовы войти в главный павильон, Ли Хуайфэн внезапно остановился.

Шэнь Чжи, не понимая причины, проследил за его взглядом и увидел холодный пруд, скрытый за густыми тенями цветов. Большая часть воды замерзла, но в центре зияла прорубь. Из нее раздавался мелодичный звон — будто сталкивались нефритовые подвески. Это звенели

колокольчики для отпугивания нечисти. Когда звон стих, из пруда показалась фигура.

Человек был небрежно накинул в черную мантию, белоснежная грудь бесстыдно открыта, черные волосы влажными прядями спадали на плечи. Он держал в руке связку колокольчиков и шел босиком по тонкому льду.

Шэнь Чжи почти забыл его лицо. Стоило ему вспомнить, как в памяти всплывали глаза, словно вымоченные в снегу — прозрачные, как глазурь.

Все, кто видел бессмертного Сюаньлиня, говорили, что это неземной красавец.

В те времена Шэнь Чжи часто думал: может ли мужчина быть настолько красив?

Но даже спустя десять с лишним лет он вынужден был признать: в тот день, при первой встрече с Инь Линцзюнем, сердце его действительно дрогнуло.

Но что толку?

В его скудных воспоминаниях об Инь Линцзюне отчетливо запечатлелась слеза, выкатившаяся из этих прекрасных глаз.

В той далекой сцене он лежал на холодных каменных ступенях, один глаз, казалось, был залит кровью, и он мог лишь смутно видеть происходящее. Рядом стояла эта тонкая фигура в черном, спиной к нему, и не оборачивалась, как бы он ни звал. Через мгновение Инь Линцзюнь наконец оглянулся, и его глаза, покрытые льдом, словно растаяли, зрачки слегка покраснели.

Одна слеза упала на его руку.

Но вскоре наставник отвел взгляд и ушел, не оглядываясь.

Шэнь Чжи чувствовал, что Инь Линцзюнь не питал к нему симпатии, возможно, даже презирал.

Иначе почему он даже не хотел на него смотреть?

И вот теперь он собирается заставить Инь Линцзюня пролить слезы снова ради какой-то девушки, которую даже не помнит.

Шэнь Чжи вдруг почувствовал себя последним негодяем.

Шэнь Чжи безразлично посмотрел на самодовольного юношу и уже собирался уйти, как вдруг увидел, что к ним сквозь толпу пробирается солидный мужчина в сопровождении нескольких слуг. Он подошел к юноше, положил руку ему на плечо и, опустив взгляд, увидел на земле пятна крови. Лицо его мгновенно побелело, и он начал суетливо расспрашивать:

— Сянь-эр, что случилось? Кто это сделал? Кто?

Юноше уже было лень жаловаться на Шэнь Чжи, он лишь поднял голову и недоуменно спросил:

— Отец, я в порядке. Разве ты не развлекал наставников? Они уже ушли?

Лицо отца стало еще мрачнее:

— Об этом поговорим дома.

Одной мысли об этом было достаточно, чтобы вывести его из себя! Сегодня он устроил банкет для даосского наставника и старейшин Сыцзинмэнь под предлогом изгнания демонов, надеясь устроить сына в Сюэ-игэн. Кто бы мог подумать, что наставник откажет так безапелляционно, заявив, что другие секты принимают учеников после проверки корней, но Сюэ-игэн — исключение.

Он не удержался и спросил почему, на что этот Ли ответил, что Сюэ-игэн принимает только тех, чье сердце чисто. Услышав это, он, конечно, не согласился и выпалил:

— Но ведь единственный ученик бессмертного Сюаньлиня, Шэнь Даохэн, впоследствии стал великим демоном... Да и ходили слухи о его близости с Сюаньлинем, боюсь, это тоже не совсем...

Не успел он закончить, как лицо Ли Хуайфэна изменилось, и он, не прощаясь, ушел, оставив его в крайне неловком положении.

Эти совершенствующиеся — сплошь высокомерные гордецы, презирующие обычных людей.

Он не хотел больше вспоминать об этом, поэтому приказал:

— Говори отцу, кто тебя ударил?

Юноша замер, собираясь указать на Шэнь Чжи, но, подняв голову, удивился:

— Э? А где он?

Зеваки всё еще были на месте, но зачинщика и след простыл.

Завтра на террасе Ванчунь начнется проверка духовных корней, поэтому все ближайшие гостиницы были переполнены. Кто-то из местных, но большинство — приезжие. Стоит сказать, что причина, по которой так много людей рвалось в Сыцзинмэнь, заключалась не только в ее силе, но и в том, что, кроме проверки корней, секта практически не выдвигала никаких условий для вступления.

Никаких различий по знатности, полу или внешности.

Этот красный флаг с надписью «Три без различий» до сих пор висел на террасе Ванчунь.

Шэнь Чжи пришел слишком поздно, мест в гостиницах не осталось. Впрочем, ему было всё равно — он мог поспать хоть на земле. Однако слуга в одной из гостиниц, видя, что юноша еще совсем молод и выглядит худым, сжалился над ним:

— Молодой господин, наверху есть постоялец, в чьем номере две кровати. Может, попробуете договориться?

Шэнь Чжи подумал и кивнул. Слуга поднялся наверх, переговорил с гостем и вскоре вернулся:

— Всё в порядке, я провожу вас.

Шэнь Чжи улыбнулся:

— Спасибо.

По дороге слуга заметил:

— Много юношей останавливается у нас в эти дни, все на проверку корней? Кто-то нервничает, кто-то в восторге, а вы такой спокойный.

Шэнь Чжи улыбнулся и промолчал. Конечно, он был спокоен — он давно знал, чем всё закончится.

У двери номера слуга по привычке добавил: «Если что-то понадобится, зовите», — и ушел.

Шэнь Чжи толкнул дверь и увидел, что другой постоялец сидит на кровати. Даже в помещении он оставался в плаще с капюшоном, лица было не разглядеть. Шэнь Чжи лишь интуитивно почувствовал, что тот должен быть выше его ростом.

— Благодарю, что позволили переночевать, — лениво произнес Шэнь Чжи.

Незнакомец вытянул палец из широкого рукава, поправил капюшон и промолчал.

Не из разговорчивых.

Шэнь Чжи приподнял бровь и уже собирался сесть на кровать, как вдруг его рука была перехвачена.

— Подожди. — Человек убрал руку под недоуменным взглядом Шэнь Чжи. Голос его был холодным и тягучим, словно звон разбитого нефрита: — Посиди пока в другом месте.

— ? — Шэнь Чжи, уже присевший было рядом, вздрогнул, словно его укололи иглой, и вскочил, в недоумении глядя на то место, где только что сидел.

В его глазах на мгновение промелькнула жестокость, но тут же исчезла.

Потому что это ощущение холода, пробирающего до костей, было... слишком знакомым.

Он посмотрел на человека, сидящего на кровати, прищурился и спросил:

— Кто ты?

Тот ответил невпопад:

— Прости, посиди где-нибудь полчаса. — Сказав это, он встал, медленно подошел к углу комнаты, достал постель, не спеша расстелил ее на полу. Его белоснежный длинный плащ волочился за ним.

Шэнь Чжи наблюдал за этим и равнодушно спросил:

— Ты тоже на проверку духовных корней?

Человек замолчал на мгновение, а затем спросил:

— Что такое духовные корни?

— М? — Шэнь Чжи нашел это забавным. Он развернулся и сел прямо на расстеленную постель.
— Ты не знаешь, что такое духовные корни?

— Не слышал.

Шэнь Чжи улыбнулся:

— Ну ладно. Духовные корни — это основа совершенствования, только те, у кого они есть, могут заложить фундамент.

Человек опустил голову, размышляя, и спустя долгое время произнес:

— Нужно заложить фундамент?

— Конечно, чтобы стать бессмертным.

— Стать бессмертным?

— Да. — Шэнь Чжи не хотелось вдаваться в подробности. — Если не понимаешь, почитай книгу «Трактат о закладке фундамента», там основы. Ты ведь хотя бы читать умеешь?

Человек промолчал.

Шэнь Чжи: «...»

Неужели... он действительно даже читать не умеет?

Шэнь Чжи тоже замолчал. Вскоре он поднял глаза, глядя в колышущемся свете свечи на этого человека:

— Почему ты будто ничего не знаешь? Ты не из мира совершенствующихся?

Тот снова промолчал. Шэнь Чжи вдруг захотелось поддразнить его. Он подпер подбородок рукой и с ехидной усмешкой произнес:

— А ты... слышал о Мечнике Ста Духов из мира совершенствующихся?

Пальцы человека, лежавшие на коленях, вдруг дрогнули.

— О? — Шэнь Чжи не упустил этой детали. Он почувствовал злорадное удовольствие и продолжил: — Значит, слышал?

Он чуть подался вперед, рука чесалась сорвать капюшон, но он сдержался:

— Тот человек — великий демон, предатель своего наставника, вредитель всего живого. Ты боишься его?

— Нет, — ответил человек спокойным голосом.

— Ха-ха-ха... Не боишься? Ха-ха-ха... — Шэнь Чжи рассмеялся, хлопая себя по коленям, словно услышал лучшую шутку в жизни. — А что, если... я скажу тебе, что я и есть тот самый Мечник Ста Духов, испугаешься?

На этот раз прошло очень много времени, прежде чем кто-то подал голос.

Свеча в комнате почти догорела, оставляя лишь слабый свет. Шэнь Чжи стало скучно, он зевнул, бросил «Ладно, шучу, поверил еще», и, перевернувшись, лег на постель на полу. Позади послышался озадаченный голос:

— Это моя...

Шэнь Чжи, не обращая внимания, ответил:

— Это я напросился в твой номер, как я могу позволить тебе спать на полу. Время позднее, брат, отдыхай.

Человек, казалось, помедлил еще немного, прежде чем подняться и направиться к кровати.

Шэнь Чжи в полудреме почувствовал, как тот лег. В этот момент свеча на столе окончательно погасла.

В полной темноте, засыпая, он услышал голос, донесшийся откуда-то неподалеку:

— ...Доброй ночи.

<http://bllate.org/book/18833/1833673>